

**16 Советская Антарктическая Экспедиция, 1971 г.
Антарктида: мужская территория или вход женщинам строго
воспрещен!**

Максимальная температура – 89,2 с°, полное отсутствие запахов и бесконечное белое пространство. Таинственная и непредсказуемая она притягивает настоящих мужчин сладостью неразгаданных тайн и ежедневным экстримом. Кандидату биологических наук, ведущему научному сотруднику НАН Беларуси, Института Зоологии, лаборатории гидроэкологии Гигиняку Юрию Григорьевичу было 24 года, когда его белые сны об Антарктиде стали реальностью.

- Что заставило Вас окунуться в 60-тигрусный мороз и так рисковать собственным здоровьем, да и жизнью в целом?

Антарктида – не первая экспедиция, в которой я принял участие. До этого я плывал на легендарном научно-исследовательском судне «Витязь». Мы исследовали глубоководные места Тихого океана близ Алеутских островов, Японии, Камчатки, Аляски. В то время я только окончил биофак БГУ и научное любопытство не давало мне покоя. С первого курса я писал письма, запросы, одним словом, рвался попасть в Антарктику, но ответ так и не пришел.

Совсем уже потерял надежду, когда из Ленинграда приехал человек и спросил меня, болен ли я еще Антарктидой. Конечно, болен! Я думал, мы месяца три поныряем близ берегов Антарктики, а оказалось, целых восемнадцать, практически полтора года! Мечта сбылась! Долго готовился сказать о поездке родителям. О том, что буду там еще и нырять – не

признался. Так я стал членом группы экспедиции, состоящей из пяти человек: четверо из Ленинграда и один я – белорус. Было мне тогда 24 года.
- Какова цель экспедиции?

Мы должны были исследовать подводный мир у берегов Антарктиды, а он так богат! Рачки, мягкие кораллы, гидроиды, звезды, ежи, голотурии... Цель экспедиции – выяснить, как морские животные приспосабливаются к таким условиям, как выживают. Дело в том, что в морях Антарктики не бывает плюсовой температуры, она в течение миллионов лет колеблется лишь на один градус, от -2° до -1° . Коллекцию, конечно, в Минск я богатейшую привез!

- Как Вы добирались до материка и где расположился Ваш исследовательский лагерь?

Полтора месяца мы шли на пароходе из Ленинграда, зашли в Африку, прибыли в Антарктику на станцию «Молодежная», а после уже на станцию «Мирный», неподалеку от которой и организовали свой лагерь. Там проходили наши основные исследования. Зимой наблюдения за подводным миром велись через полыньи – «майны», над которыми водружали палатку, летом – прямо с берега.

Нашу майну еще называли телевизором, потому что светилась она в палатке, как голубой экран – вода прозрачная, на 30-40 метров в глубину видна вся подводная жизнь, которую мы раньше себе и представить не могли.

Однажды один «мирянин» попросил показать ему наш, как он выразился, хваленый телевизор. Когда увидел – рухнул на колени и на четвереньках пополз к выходу из палатки. Оказалось, он очень высоты боялся.

- Каким образом Вы добывали материал для исследований?

Каждый день мы ныряли с аквалангами у берегов ледового материка. Видеть подводный мир загадочной Антарктиды «изнутри» никому раньше не приходилось. Ныряли на глубину 50-ти – 60-ти метров. Это предел для аквалангистов, использующих в аквалангах чистый, атмосферный воздух без примесей. Ласты клеили сами, с аквалангами тоже работали сами, для фотоаппарата смастерили специальный водонепроницаемый бокс.

Погружались постоянно в ледяную воду, поэтому случались обморожения рук,

лица, ног. Когда под водой видишь животных, которых тебе нужно собрать, например, морских ежев, дотрагиваешься до них перчаткой, она прокалывается и вода растекается по всему телу. Не совсем приятно как-то становится...

- Вы долго готовили себя морально, физически к экспедиции?

Я готовил себя пять лет. Много читал, изучал Антарктику. Ходил постоянно в зимние экспедиции по Беларуси, часто на Нарочь. Физически тоже отлично был готов. Кроме научной деятельности мне каким-то образом хватало времени на занятия спортом – у меня первый разряд по тяжелой атлетике, по штанге. Самое интересное, что плавать-то я не умел. С ластами как рыба в воде, но стоит их снять – прощай, Юра! Это было моей маленькой тайной.

- Какие вещи вы с собой взяли? Бобровую шапку захватили?

У меня была коричневая кроличья шапка, которая путешествовала вместе со мной, со мной же и вернулась на родину. Ленинградский институт Арктики и Антарктики выдал нам кирзовые сапоги, валенки, подшитые резиной и фетровые ботинки. Самой удобной обувью все же были кирзовые сапоги. Они не скользили.

- Ваши первые впечатления от ледяной пустыни?

Первыми впечатлили айсберги. Огромные, 50 м высотой и 250 м под водой. Когда на острове наступал штиль – ровная, зеркальная гладь воды и потрясающая видимость. Чистота, белизна и воздух, который ничем не пахнет, ни микробами, ни пингвинами... Организм-то требовал каких-то обонятельных поступлений, тогда резали луковицу или брали корочку хлеба и нюхали. Когда совсем грустно становилось, забирались в тысячное стадо пингвинов.

Наземных хищников в Антарктике нет – белых медведей можно встретить только в Арктике. Зато есть морские леопарды. На человека они не нападают, но когда сзади плывет такая туша – не по себе становится. Тишина там относительная, так как мирные птички под названием пингвины кричат хуже, чем, если ворону за хвост схватить.

Антарктида.16 САЗ-1971г. Море Дейвиса

- Какой психологический климат царил среди членов экспедиции, ведь полтора года в замкнутом пространстве – это серьезное испытание? Было по-разному. Главное – настроение, с которым ты туда едешь. Я ехал с очень хорошим настроением. На 90% поездка для меня представляла романтическое путешествие, полное ожиданий, экстрима, приключений... К тому же я был тогда очень молод. Если ты негативно психологически настроен или у тебя отсутствует чувство юмора, то туда лучше не ехать. Вообще с человеком, не понимающим юмор очень сложно в любом коллективе, уж тем более где-то за тысячи километров от дома в замкнутом пространстве.

Психологически восемнадцатимесячное заточение на маленьком островке напоминало тюрьму, только за свой счет. Корабль раз в год приходит, самолет не летает, никто тебя не увезет, с острова не удерешь. За такой период совместного сосуществования узнаешь о человеке все. Бывали, конечно, и стычки. Для того чтобы быстро остыть и не наделать глупостей мы договорились по одному уходить в айсберги. Они у нас были чем-то вроде «японских чучел», на которых мы вымещаем всю накопившуюся злость. Вот и приходилось им всякое выслушивать... А нам становилось легче. Вообще, Антарктида – это мужской континент, там нет женщин. Поэтому юмор, отношения и лексика, конечно же, у нас были специфические: мужские, грубые. Кстати, очень сложно потом было дома вернуться к нормальной манере общения.

- Каковы были бытовые условия, в которых вы жили?

Остров, на котором мы жили – небольшой, связи с нами никакой не было. В трех километрах от нас располагалась станция «Мирный», там принимали радиограммы. У нас была своя радиостанция, но она практически ничего не брала – большие магнитные бури мешали. У нас даже врача не было. Жили мы в деревянных фанерных домиках, собранных из щитов и обвязанных тросами, чтобы ветром не унесло. Топили соляными печками. Вокруг нас три-четыре тысячи пингвинов. Воды никакой. Есть озера, но 97% Антарктики покрыто льдом. Можно конечно айсберги лизать, но как-то это малоэффективно и от них ничего не отколешь. Поэтому воду брали из снега, который собирался вокруг домика. Правда, она у нас коричневая получалась, пингвинов, напомним, повсюду очень много было. С баней тоже все сложно, помогал спирт. Готовили еду сами. Дежурили на кухне по три дня. Мой фирменный салат под названием «Минское Динамо» шел на ура. Этот рецепт даже впоследствии стал использовать повар станции «Мирный». Я добавлял туда пахучее нерафинированное масло, а запах, как уже говорил, был очень важен. И чем он сильнее, тем аппетитнее елось. Еще у нас был оригинальный коктейль «Улыбка верблюда»: сверху наливался спирт, а снизу морская вода. Цвет одинаковый и разницы на глаз не видно. Зато, когда выпиваешь, понимаешь, что тебя надурили, во рту противный вкус морской воды, а на лице перекошенная улыбка.

Спали на двухъярусных койках. Я спал на втором ярусе. На первом ярусе у моего товарища примерзала подушка, а у меня была жара сумасшедшая! Ведь по законам физики теплый воздух весь вверху скапливается. Так вот мой товарищ все время посильнее печь делал, а я в одних плавках потом истекал. Позже решил эту проблему – прорубил дырочку в крыше. Праздники у нас весело проходили. В Новый год наряжались, накрывали стол, встречали гостей со станции «Мирный», играли на гитаре, гармонии,

песни пели. Как-то по привычки ждали темноты. Не дождались – стоял полярный день. Радисты у нас занадто веселье были. Заранее любили сюрпризы к Новому году готовить. В течение нескольких недель отрицали получение хотя бы одной радиограммы, а в день праздника несчастному и одинокому, забытому всеми полярнику вручали целую кипу поздравлений. Радости было...!

- Приходилось для согревания прибегать к более «крепким» методам?

Ну, мы же биологи, спирта у нас хватало. Бар к тому же у нас был богатый: на апельсиновых корочках, на винограде, на травах... Мужская компания всегда требовала своих 50-100 грамм. Но наша работа была очень опасной, один погружается, другой страхует. Шаг в сторону и можно не вернуться. Вообще в Антарктике царит сухой закон. В День рождения, Новый год или другой праздник могут выдать две бутылки водки и шампанское. К нам биологам часто за спиртом приезжали, у нас его тонна была. Бывало, ночью с материка человек приходит, говорит: «Ребята, помогите, тут дело такое, сын родился!». Ну, мы ему дали. Потом через десять месяцев снова приходит: «Ребята, у меня праздник – сын родился!». Мы как-то уже подозрительно посмотрели, но все равно поздравили со вторым и дали. Мужик есть мужик. Кроме всего прочего ему еще и водка требуется. Такой вот случай был.

- Каждый день Вы наблюдали бесконечное белое пространство. Вам и сны, наверное, белые снились?

С этого все и началось! У В.М.Пескова есть такая книга «Белые сны». Я ее прочел с упоением и влюбился в Антарктиду. Что касается реальных снов – порой трава зеленая снилась или деревья. Чаще, правда, вообще ничего не снилось – очень уставали. Целый день – подводные исследования, потом лабораторные эксперименты. Много фотографировали, там же проявляли. Привез домой огромное количество папок с расписанными наблюдениями, опытами. Одним словом, не до сна было.

- Некоторым полярникам посчастливилось увидеть рождение айсберга. А Вы видели?

Я не только его рождение наблюдал, я залезал внутрь айсберга! Как некоторые на горы забираются, так у нас был азарт найти небольшой проход в айсберг и попасть в него. Это удивительное зрелище!словно ты в центре гигантской пещеры, только бирюзового цвета, с огромными сосульками и бесконечными залами длиной метров 50-100. Все переливается! Чихать и кашлять там нельзя – любой шум, вибрации и тебя завалит.

- Это действительно экстремальное путешествие, проверка на прочность.

Были моменты, случаи, когда казалось, что белая бесконечная пустыня – это последнее, что Вы видите в своей жизни?

Однажды я тонул. Мы с начальником тогда на санках везли какое-то оборудование. Вроде все нормально было и вдруг внезапно под нами ломается лед. На ногах у меня были обуты большие ботинки, размера 45-го, думаю, нужно их как-то сбросить. Подо мной метров 500 глубины. Правда, хоть 500, хоть 2 – все равно плавать не умею. Только мысли про себя: «Спокойно, Юра. Плавать ты не умеешь. Спокойно». Кое-как выбрался.

Смотрю, в воде остался плавать мой ботинок. Я зачем-то полез его доставать, а потом пару километров до лагеря босиком бежал с ботинком в руке. Ребята встретили, спросили, мол, че босиком бегаешь, не принято так в Антарктике. Начальник такой же пришел. Дали выпить, растерли спиртом. Самое интересное, что даже насморка не было.

Антарктида. После погружения под лед в море Дейвиса. Южный полярный круг.

- Антарктида – это загадочная женщина или могущественный мужчина?
Антарктида не может быть мужчиной. Все материки названы женскими именами: Африка, Америка, Австралия... все это женщины. Антарктида – загадочная, непредсказуемая, сильная, влекущая к себе тайной женщина. Наверное, поэтому здесь живут одни мужчины. Они ухаживают за ней, ласкают ее, любят, чистят, запрещают на ней охотиться.

- Ей удалось Вас в себя влюбить?

Не то слово! Не бывает бывших полярников. Мы все постоянно собираемся, тоскуем, вспоминаем. У нас мороз по коже, когда просматриваем фотографии, поднимаем бокалы за тех, кого нет, за тех, кто сейчас там. Вспоминаем и тяжелые рабочие будни, и страшные случаи, и смешные байки, и песни под гитару. Я часто солировал. Если ты хотя бы раз в своей жизни увидел Антарктиду, тебе навеки привита любовь к ней.

- Трудно без женщин?

Конечно сложно. Тоска огромная. Правда, смотря, кто на сколько свободен. Если у кого-то ни жены, ни невесты – тому проще. Невесты у меня тогда не было. Была только знакомая девушка, но через месяца два, три я стал абсолютно свободным человеком. А те, у кого были невесты, жены, очень нервничали. Каждое пришедшее из дому письмо изучали до мелочей, рассматривали печати на конверте и, если вдруг печать не из того почтового отделения, возле которого девушка живет – тут же становилась изменницей. В Антарктике я отпраздновал свой 25-й День рождения. Мне подарили весьма пикантные подарки. Один товарищ вручил длинный сверток, я ее вскрыл, а там плакат, о боже, с женщиной! Второй вручил такой же сверток – там тоже плакат с объектом женского пола. У нас для таких плакатов всегда находилось место. Я их повесил, но чтобы мой мозг не взорвался, решил оставить открытым только лицо, а все остальное прикрыл. Через пару дней завесу немного опустил. Еще через пару опустил, а потом и вовсе открыл. Привык уже как-то, смотрю – портрет, как портрет, ничего такого и нет в нем.

Потом как-то с родины мне прислали телеграмму: «Юра, не хочешь ли ты жениться? Мы тебе найдем жену!». Я не против, год уже в Антарктике, скоро возвращаться. Составил экстерьер и послал: «рост такой-то, длина ног такая-то, а все остальное, как у Б.Б.». Любая телеграмма проходила проверку через политруков, и из Москвы мне пришел ответ с просьбой пояснить, что такое

Б.Б., либо убрать эту непонятную зашифровку. Б.Б. (Бриджит Бордо) все же пришлось убрать. Невесту мне нашли. Спустя некоторое время, когда я уже вернулся домой, нас познакомили, она стала моей женой и мы до сих пор вместе.

Перепечатка статьи Ольги Аверковой для журнала “Доберман”:

<http://doberman.by/>

<http://art-parking.info/>

18.01.2009

Dr. Tatiana Mikhaevitch, Ph.D. in Ecology, Academy of Sciences of Belarus,
Member of the Italian Ecological Society (S.IT.E.), Member of the International
Bryozoological Society (I.B.A.), Member of the International Society of Doctors for
the Environment (I.S.D.E.), www.plumatella.it, info@plumatella.it,
tatianamikhaevitch@gmail.com